

Юхимик Ю. В. Ассоциативная основа художественного творчества.

В статье рассматривается специфика художественной ассоциативности – важнейшего эстетико-психологического основания художественного творчества, заключающегося в формировании, сохранении и актуализации различных психических и смысловых связей. Анализируется роль ассоциативности в формировании и эффективном функционировании художественно-психологической установки творца, его памяти, воображения, фантазии.

Ключевые слова: ассоциативность, художественное творчество, художественно-психологическая установка, воображение, фантазия.

Yukhymuk J. V. Associative Basis of Artistic Creativity.

A specific character of artistic associativity – the most important aesthetic and psychological basis of artistic creativity consisting in formation, keeping and actualization of the different psychic and notional relations is under consideration. A role of associativity in formation and effective functioning of creator's artistic and psychological set, his memory, imagination, fantasy is analyzed.

Keywords: associativity, artistic creativity, artistic and psychological set, imagination, fantasy.

Шедяков В. Є.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР: РАСКРЫТИЕ И РАЗВИТИЕ
ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В ФОРМАХ ОТЧУЖДЕНИЯ**

В статье проанализированы тенденции дальнейшего совершенствования отчужденных форм раскрытия творческой природы человека. Охарактеризована роль трансформации черт и значения человеческого фактора в процессах социогенеза. Рассмотрены актуальные вопросы организации и стимулирования желаемых изменений в условиях нынешней Украины.

Ключевые слова: творческая активность, отчуждения, человеческий фактор.

Совокупность людей, их организация, активизация, использование как субъективного фактора исторического, социально-экономического, производственного процесса, практики, общественной жизни и т.п., разумеется, неоднократно становились предметом специального анализа. Вместе с тем, как известно, восхождение от абстрактного к конкретному – характеристика не столько метода изучения и интерпретации, сколько развития самой действительности.

Соответственно, изменения действительности неминуемо отражаются на методологии и ресурсной базе оперирования человеческим фактором. С одной стороны, хорошо известны характеристики отношений как аграрных, индустриальных, постиндустриальных; дорыночных (дотоварных), рыночных (товарных), пострыночных и др. С другой же, под влиянием всеобщего доминирования рыночных форм возмездности и сам человек в социальных отношениях чаще воспринимается как человеческий капитал, и состояние принимает форму конкуренции, а сотрудничество – кооперации и партнерства. Причем отношения взаимодействия объединяют партнерство и конкуренцию. Тогда как характеристики взаимодействия внутри- и между социальными структурами близки к хорошо изученным отношениям внутри- и межвидового обмена. Таким образом, исподволь готовится основание для качественного изменения восприятия уровней средства и цели.

Специфика человеческого капитала (фактора) плодотворно изучалась А. Бузгалиным, Н. Верхоглядовой, Е. Гришновой, А. Захаровой, А. Колгановым, В. Лычом, Н. Римашевской, И. Соболевым и др. Таким образом, на сегодня хрестоматийными стали работы по интерпретации марксовых взглядов на методологию соотношения отчуждения и свободы, ответственности в освоении мира в исследованиях А. Агга, В. Адоратского, Г. Багатурии, К. Байрачного, И. Бичко, С. Вигодского, Ю. Давыдова, Э. Ильенкова, И. Кального, Н. Лапина, В. Лебедева, Д. Лукача, А. Мамалуйа, М. Мамардашвили, Л. Маньковского, Г. Маркузе, И. Нарского, Л. Науменко, М. Нечкиной, Т. Ойзермана, З. Оруджева, А. Плахотного, К. Разлогова, Е. Режабека, Д. Розенберга, М. Розенталя, В. Сагатовского, Ж.-П. Сартра, З. Сергеевой, Ю. Согомонова, В. Степина, В. Терины, В. Толстых, В. Чиркова, А. Юдкина, Э. Фромма, а также и литература, отражающая научные поиски различных путей преодоления отчуждения в историческом контексте на фоне социальных трансформаций 80-90х годов 20-начала 21 вв. (В. Вазюлин, И. Витаньи, А. Гусейнов, К. Кантор, А. Кива, Я. Кузьминов, В. Межуев, Э. Набиуллина, С. Платонов, В. Радаев, К. Рихтаржик, Т. Субботина, А. Ципко и др.).

Практика преодоления отчужденного состояния человека имеет социальные и индивидуальные аспекты, развивается как со стороны трансформации социально-бытийного процесса (в частности, элементов труда и его организации), так и со стороны изменения самочувствия человека. Соответственно, к вопросам организационной культуры с успехом обращались Р. Акофф, М. Армстронг, Р. Бендикс, М. Вебер, К. Гиртц, Э. Дюркгейм, К. Камерон, К. Льюис, Э. Метс,

Э. Мэйо, Ф. Ричардсон, Ф. Ротлисбиргер и В. Диксон, А. Страусс, Ф. У. Тейлор, Б. Тернер, Л. Уайт, К. Уолкер, К. Хендри, Г. Хоманс, Х. Шварцман, и Э. Шейн, а также О. Горбановская, В. Гуринов, Дж.К. Лафта, Л. Михайлов, С. Масютин, А. Пригожин, С. Рогожин, П. Романов, М. Третьяков, М. Туленков, Л. Хижняк, А. Цуладзе и др. Изучение же отчужденного состояния и соответствующих особенностей социализации личности может опираться на труды С. Батенина, Л. Выготского, А. Леонтьева, А. Лурии, Ж. Пиаже, А. Петровского, С. Рубинштейна и др.

Однако кардинальные трансформации нашего времени, а также глобальный масштаб кризисных явлений безотлагательно требуют дополнительного внимания к изменениям человеческого капитала, в том числе – под влиянием новых процессов. Соответственно, целью статьи является изложение авторского взгляда на результаты исследования по противоречивым вопросам реализации творческого начала человеческого фактора, в частности, возможностей использования при этом комплекса отношений отчуждения в условиях формирования в глобальном масштабе общества знаний.

Стратегический проигрыш – очевидное следствие возможных попыток ориентироваться на хозяйствование и участие в конкурентной борьбе на основе использования человеческого фактора в пределах уходящих в мировом масштабе этапов технико-технологического и социокультурного развития [1-3]. Способствующие утрате исторической субъектности попытки базирования на материально-технической базе экзотических укладов хозяйствования, обслуживание внешних производств способствует как несамостоятельности общества и народного хозяйства, так и превращению в площадку для перелива грудущих волн кризисов.

Системный мировой экономический кризис начала 21 века – проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако, ее преодоления неизбежно требует учета постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона ее возможностей в развитии и активизации человеческого фактора [4-10]. Причем в балансе возможностей и опасностей, которые актуализируются в ассоциации с Евросоюзом, одно из важнейших преимуществ связано с адаптацией мирового опыта и использованием социально зрелых форм производственной демократии, форматированием адекватных управленческо-организационных отношений (в частности, в трудовой сфере).

Соотношение же трех основных плоскостей осуществления социального доминирования (социальная интеграция, культурное

доминирование, навязывание политического поведения) подвижно; так что мы еще продолжаем говорить об экономической эксплуатации, хотя все труднее и труднее выделить ее и изолировать от других форм доминирования: «ситуация в современном мире скорее передается термином «отчуждение», чем «эксплуатация» [11, 7]. Характеризуя расхождение содержания и социально-экономической формы общественных процессов, Э. Фромм, например, подчеркивает трансформацию значений активности и пассивности с точки зрения производства и самого работника; отчужденная активность в смысле простой занятости фактически является «пассивностью» в смысле производительности, тогда как пассивность, понимаемая как незанятость, вполне может быть и неотчужденной активностью Alpha [12, 117-118; 13, 77; 14-15].

Классическая 4-х элементная структура основания комплекса отношений отчуждения вполне соответствует антиномиям, плодотворно изученным еще И. Кантом – А. Смитом. Однако, комплекс отношений отчуждения чутко откликается на изменения в действительности, то создавая эшелонированные преграды, то предоставляя формы социальности. При этом гибко меняются и иерархии, и роль отдельных составляющих частей этого комплекса [16-26]. И даже очевидно прогрессивные трансформации: 1) осуществляясь в глобальном масштабе, вовсе не обязательно повсеместно оказываются непреложным фактом, 2) будучи сложной и противоречивой тенденцией, не проявляются, как правило, однозначно, 3) растягиваются во времени и пространстве. В результате социогенез включает много измерений, в рамках которых регресс оказывается неминуемым элементом прогресса, а прогресс в одном часто оказывается регрессом в другом [27-32]. Сегодня специфика состояния комплекса отношений отчуждения во многом определяется тем, что, с одной стороны, развитие производительной силы труда позволило преодолеть в классической среде некоторые наиболее острые формы проявления отчужденности, предоставив возможности творческой активности людей. С другой стороны, практика стран, исповедовавших идеологию коммунистического проекта, привела отнюдь не к преодолению отчуждения и освобождению труда, а к видоизменению комплекса превращенных форм. Вместе с тем, если конкуренция политических систем обеспечивала подъем корзины социально-экономических прав, то ликвидация системы реального социализма повлияла на ослабление в мировом масштабе социального фактора (что выражается в попытках подъема пенсионного возраста, сокращения социальных программ, уменьшении госсектора и проч.).

Одновременно процессы глобализации способствуют тиражированию единых шаблонов и унификации представлений о нормах. Соответственно, противоположность отчужденного труда и самостоятельного творчества влияет на невозможность однолинейности социального развития. В свою очередь, тенденции к становлению в глобальном масштабе общества знаний усиливают значение интеллектуальной составляющей производительных сил в противовес непосредственно мускульной, повышают востребованность творческой активности и информационной гибкости [33-43]. Разумеется, черты информационной эры выводят на передний план сохранения комплекса отношений отчуждения информационное отчуждение. В частности, в процессе освоения информационного пространства происходит существенная дифференциация за счет разброса в доступе (качестве, скорости, обеспечении прочих параметров) к необходимой информации и ее защите.

Все это повлекло за собой комплекса отношений отчуждения, трансформацию его наиболее изученных классических форм и дальнейшее формообразование. Преодоление всеобщности отчужденного труда самостоятельным творчеством с сохранением позитива (эффективности в широком смысле), уничтожением негатива (разрушительной ипостаси) и переходом на более высокий уровень социальности, где активность субъекта деятельности выступает сущностью, активная деятельность – существованием, а творчество как свободная самостоятельность – явлением. Причем оборачивание основания приводит к тому, что в человеческом обществе информационной эры уже творческая активность может относиться к свободной самостоятельности как к сущности [44-55].

В любом случае, инверсионные явления неклассической трансформации позволяют более полно использовать имеющиеся превращенные (преобразованные) социально-экономические формы в процессе социального управления, когда наличие большего количества управляемых процессов приводит к необходимости их иерархической организации, т.е. к созданию иерархических структур. В основу структуризации должны быть положены принципы разделения труда и обеспечения жизнедеятельности. А структура управляемого объекта в каждой системе экономики в зависимости от принципа определения приводит структуру управления им. При этом эффективность функционирования таких систем зависит от сбалансированности всех звеньев и их своевременности и ритмичности взаимодействия. Только во время высокого Модерна индивидуальные жизненные пути разных людей сливались в общей судьбе народа; каждый чувствовал себя

частью страны, воспринимая в качестве личных государственные задачи. При усилении же мировых трансформаций постсовременного характера ценность своеобразных подходов, интерпретаций и мотивов каждого растет.

Соответственно, меняется и исторический тип социального управления. Причем в нынешних хозяйственных условиях быть успешным глобальным конкурентом значит найти для себя адекватную своим конкретным особенностям нишу. А это возможно и для небольших структур, и для «аутсайдеров» (содержание этого термина тоже меняется, различные пути могут вести к необходимому результату и отсутствует обязательность следования канонам «вестернизации»). Конечно, в странах, организованных в экономическом и политическом плане определенным образом, достигают некоторых целей развития конкретного человека и нации в целом успешнее, чем в иных. Но время корректирует привычные представления. Факторы экономии на масштабах производства и оптимизации стратегии в соответствии с наиболее распространенными типовыми моделями перестают быть определяющими.

Чтобы успешно конкурировать, необходимо постоянно внедрять инновации и наращивать свои конкурентные преимущества. Их источник хорошо известно – приток и рациональное использование капиталовложений в материальные и нематериальные активы. Изменения в процессах конкуренции и рост давления глобализации делают капиталовложения влиятельным фактором достижения и реализации конкурентного преимущества. В свою очередь, на интенсивность, направления, концентрацию капиталовложений существенно влияют определение границ государственного сектора в экономике, эффективность использования государственной собственности, применение средств государственного регулирования как непрерывный и целенаправленный процесс воздействия на объект управления, функции организованных систем, обеспечение поддержки их структуры и режима деятельности при реализации общественной программы, цели. Уже сейчас следует быть всесторонне готовым к ситуации, когда итоговый вектор трансформаций будет выработываться под активным воздействием качественно разнонаправленных глобальных и региональных центров сил и полюсов влияния, оставаясь сложным и конфликтным, динамичным и труднопредсказуемым. Соответственно, реальностью становится качественное усложнение социальной и структур ее организации, иерархий мотивов и стимулов, в том числе – имеющих отношение как к хозяйственным процессам, так и к политике, а также конвертации

различных форм власти (экономической, политической, идеологической, etc.) друг в друга. Однако, можно быть малой величиной, но четко выделять и последовательно преследовать свои интересы в мире сверхбольших величин, а можно – достаточно крупной и потенциально серьезной единицей без достаточного интеллекта и необходимых действий, без понимания и воплощения задач своей защиты и развития.

При всех нынешних и будущих средствах социоэкономического прогресса главным остается человеческой фактор. Именно это в конечном счете определяет и роль любого государства и его институты на международной арене. Развитие социальных сетей базируется на устойчивом развитии составляющих измерений: технико-технологического, социально-экономического, ценностно-культурного. (Пост)современный продуктивный капитал формируется вокруг творческих возможностей и интеллектуального потенциала человека, их организации и использования. И вовсе не «экономия на переменном капитале», а всестороннее развитие человека и создание благоприятных для индивидуального и коллективного творчества условий – необходимая черта перспективного корпоративного менеджмента Alpha

С этой точки зрения технологии корпоративного менеджмента являются проявлениями социальных технологий, сущность которых, как раз и заключается в системном сочетании научного знания, управленческих потребностей и интересов общества, целей и функций государственного управления, возможностей и параметров самой регулятивной деятельности. Стратегическое планирование в этом комплексе включает в себя: согласование интересов различных подразделений структуры, учет позиций, отражающих различные точки зрения; инвентаризацию ресурсов (имеющихся и возможных), ограничений и факторов; выявление краткосрочных и долгосрочных целей; определение ответственных и обеспечение мотивации. Соответственно, схема разработки социальной стратегии предусматривает: 1) формирование видения миссии, постановки стратегических целей; 2) осуществление стратегического анализа с выявлением параметров внешней среды (в первую очередь – возможностей и угроз) и внутренних ресурсов (рассмотрение конкурентных преимуществ и условий их использования); 3) обеспечение стратегического выбора (на базе рассмотрения стратегических альтернатив, оценки возможных стратегий, создания оптимальной стратегии); 4) реализацию стратегии (в соотношении бюджетов и планов), 5) воплощение контроля, оценки и коррекции.

Дискредитация технократических рецептов социального управления как нереалистичных, усиление в начале 70-х годов внимания к ценностным ориентациям продемонстрировали, что традиционные организационные подходы не соответствуют современной экономической и технологической структуре общества. Именно поэтому неоконсервативные традиционные ценностные ориентации зачастую обновляются под знаком усиления мотивов социальной ответственности, умеренности, самоограничения, закрепление состояния социальной иерархии. Социал-демократы необходимость обновления ценностных ориентаций обуславливают так же, как и неоконсерваторы, исчерпанность традиционного понимания технического прогресса, социальной политики «государства благоденствия», экологическим кризисом и т.д. Однако, выход из этой ситуации сторонники демократического социализма видят скорее в создании условий ценностно-правового порядка, способствующих формированию зрелой личности, которая самостоятельно проявляла бы свою волю и принимала активное участие в реализации позитивного содержания определяющих ценностей на основе толерантного консенсуса. У неоконсерваторов поиск ценностных ориентаций осуществляется через апелляцию к традициям как воплощению выверенного историей опыта, а также к народным обычаям, в которых закрепляется «позитивный» и отклоняется «негативный» смысл. Вследствие такой направленности реактуализируется интерес к базовой культуре, прежде всего к ценностно-смысловым комплексам. Такое культурно значимое двуединство ценностно направленных и религиозно окрашенных контрверзальных отношений социал-демократов и неоконсерваторов выступает как теоретическая и практическая проблема, требующая исследования именно на социокультурной почве.

Это обуславливает актуальность исследования разницы отношений человеческого фактора и исторического процесса, которые присущи высокому Модерну и постмодерну. Модерн обеспечивает культуру совместной деятельности, общения, кооперации, мечты о времени, когда человечество сможет жить в соответствии с истиной и добром, свободно формируя свое существование, свою историческую жизнь согласно с идеалами разума, бесконечными задачами. Но одновременно исподволь рождаются проблемы «одиночества в толпе», войны каждого против всех, озлобление, неподготовленности человека к потребностям окружающих. Постмодерн же раскрывается через диверсификацию и разнообразие культуры, ее безрепрессивность, толерантность, полилогизм, преодоление канона, «праздник

сопротивления системе». Уже Модерн предполагает особое состояние общества и культуры, где нормативным является массовое, стандартное производство, к тому же благодаря всеобъемлющему общественному разделению труда характер и черты деятельности каждого конкретного человека задаются включением в процесс общественной деятельности. Средства производства включают прежний накопленный труд многих участников производства, и уже самим отношением к средствам производства закладывается социальная характеристика трудовых отношений. Постмодерн наследует и использует эту социальность как сущностную черту человеческого фактора: мало видеть в человеке носителя рабочей силы, нужно обеспечить развитие личности, так как крупнейшим производственным фактором становится одухотворенное творчество человека, накрепко впаянное в общественный процесс деятельности [29; 30].

В свою очередь распространение многосложного труда, «бросает вызов» человеку, необходимость полагаться в решениях на самого себя и самокритичность вообще не локализируются в какой-либо определенной сфере. Соответственно, в программных установках немецких социал-демократов (Берлинская программа Принципов, 1989 г.) и христианских демократов (Людвигсхафенская программа Принципов, 1978 г.) «основные ценности» провозглашаются ориентиром, мерилем и критерием общественной практики. Однако, с социал-демократической точки зрения, главную опасность для гуманизма представляет «ценностный консерватизм», который определяет специфику «структурного консерватизма» и соответствующие ему общественные реалии. Поэтому, не снимая с себя ответственности за сегодняшнюю кризисную ситуацию, не только в политико-экономической, экологической, но и культурно-нравственной сферах жизни планеты, социал-демократы факторы дегуманизации человека видят в неоконсервативной фиксации капиталистических отношений, проявляющейся в неадекватном гуманистической ценностной ориентации толковании принципа либерализма.

При этом время ускоренной (форсированной) модернизации, как правило, предполагает умение осуществлять масштабный маневр собственными силами, которому (на определенном этапе) может мешать слишком высокая степень открытости внешним процессам. Нынешний разрыв в уровнях развития доминирующих и отстающих таков, что шансы последних сводятся к получению статуса обслуживающей экономике. Вместе с тем, для некоторых элементов

хозяйственной структуры именно закрытость и является фактором фиксации отсталости. Баланс «открытости» и «закрытости», возможностей (пост)рыночного механизма и государственного воздействия предусматривает формы сочетания энергии частного труда и предпринимательства с гибким государственным регулированием. Настройки государственного управления еще раз напоминает о наличии трех главных измерений: обеспечения индивидуальных и прав человека, подъема социально-экономического благосостояния и политического сознания. Эти направления взаимосвязаны, при этом, например, высокий уровень вложений в образование и профессиональную подготовку, науку, здравоохранение и социальное обеспечение работников – неотъемлемая черта превращения человеческого потенциала в человеческий фактор, а также его расширенное воспроизводство. Сейчас вовсе не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют показатели прогресса страны, а новые горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала граждан. Вместе с тем, только способные к сознательному критическому осмыслению действительности личности могут успешно противостоять шаблонам и стереотипам глобальных СМИ, натиску внешних для цивилизации техноструктур.

В сфере высоких технологий наукоемких отраслей это особенно существенно. Соответственно, экономика знаний трансформирует требования к качеству механизмов производства и управления. Однако экономика, основанная на знаниях, существенно меняет привычные для индустриальных и доиндустриальных циклов трудовые иерархии: во-первых, ее результаты больше зависят от применения инновационных идей, чем от физической силы, ловкости или выносливости. Во-вторых, использование высоких технологий важнее, чем переработка сырья или дешевизна рабочей силы. Инновационный процесс, основанный на творческом подходе к работе, вообще требует инициативного, высококвалифицированного, высокомотивированного работника, которого систематически привлекают к принятию управленческих и технологических решений. Попытки же чрезмерной абсолютизации простого расходования мускульной энергии, исполнительской деятельности – очевидные рудименты времен до научно-технической революции. Причем сокращения разрыва между уровнями социального развития и экономического роста под воздействием технологических инноваций, информационного менеджмента и взаимного резонирования различных элементов

трансформации невозможно достичь без целенаправленной политики государств и корпораций. Опора на опыт «ручного управления» закрепляет отставание управленческих решений и, тем более, действий – от социальных процессов, а вера в оптимальность стихийного развития ослабляет регулятивные возможности общества, тогда как опережающее отражение сложной реальности наукой закладывает базу для адекватности управленческих механизмов мировым тенденциям развития.

Причем большинство западных теоретиков-неоклассиков в области управления подчеркивают, что в условиях глобальной информатизации значение имеет не столько мощь управленческого воздействия на систему как целостную, сколько векторно-целевое влияние на отдельную необходимую точку системы. Синергетический подход управления обязательно согласовывается (учитываем, меняется под) с чертами объекта управления и элементами системы принятия решений, т.е. вся сложность управления нелинейными системами содержится в анализе пространственно-временных параметров проблем, что позволяет принимать нестандартные решения, осуществляя точечные изменения с позиций системного видения желаемого.

Так, уже в конце XX века был признан достаточно эффективным контекстуальный подход, согласно которому анализ деятельности и изменений в организации должен обязательно выполняться с тщательным всесторонним учетом среды. Теория устойчивых конкурентных преимуществ вообще учитывает и фактор ориентации на рынок, и внешнее окружение (преимущество над конкурентами), и фактор эффективной ресурсной ориентации (акцент на исключительность и специфичность ресурса). Причем само понятие ресурса может трактоваться в достаточно широком диапазоне, включая репутацию национального производителя, сложность подбора субститутов, характер динамики. И ресурсная конкурентоспособность рассматривается по всем базовыми факторами производства, в том числе природным ресурсам, человеческому фактору, капиталу.

Естественно, использование человеческого капитала в качестве эффективного ресурса требует не только целенаправленной государственной политики, но и соответствующего поведения фирмы, т.е. в аспекте и политико-экономической конкурентоспособности и конкурентоспособности торговой. Одновременно, анализ развития и реализации факторов конкурентоспособности касается двух аспектов: внутреннего и внешнего, степень корреляции которых может быть различной в зависимости от открытости экономики.

Внутренние процессы каждой страны, ее способность отвечать на вызовы, используя и вновь открывшиеся возможности, несомненно, крайне специфичны. Но в условиях глобального доминирования законов информационного мира отдельным странам приходится учитывать всемирные процессы вне зависимости от субъективного желания и видения ситуации. Соответственно, участие в формировании социума знаний сегодня – необходимость сохранения своей социокультурной идентичности, независимости своего культурно-цивилизационного мира. Трансформируется и представление об эффективном социальном управлении, в том числе стратегического уровня. Вместе с тем, без создания условий осмысленной и достойной жизни, с уверенностью в своем завтрашнем дне – о будущем страны и государства, их качественном развитии, о переходе от сырьевой к наукоемкой ориентации экономики, о превалировании предприятий глубокой переработки, да даже об устойчивой общественной безопасности говорить не приходится. Соответственно, формирование точек прогресса, зон развития культурно-цивилизационного мира (прежде всего, за счет комплексов «техникум – вуз – НИИ – научно-производственное объединение») предполагает приоритетный подъем материального благополучия представителей научно-педагогического корпуса, развитие всего интеллектуального капитала страны.

Старая мечта об автоматизированных (или «безлюдных») заводах без рабочих снова оказалась необоснованной. Во-первых, оказалось невозможным полностью отказаться от вмешательства человека в производственные процессы. Во-вторых, проблемы, вызываемые технологической жесткостью, зачастую, оказались острее, чем те, которые возникли от внешней нестабильности. Наконец, в-третьих, новые технологии часто способствовали (а иногда просто вынуждали) к формированию менее фрагментарных и более комплексных квалифицированных навыков. Вот почему изменение баланса между трудом «живым» и «прошлым» не привело к столь массовому появлению избыточной рабочей силы, которое ожидалось некоторыми идеологами изучения человеческого фактора сквозь призму отношений отчуждения. Кроме того, обновление технологического оборудования любой фирмы заканчивается ростом роли и значения модели социальных отношений и базируется на учете «человеческого фактора», а вовсе не наоборот. Новый тип экономического развития вообще выдвинул на первый план творческую личность, таланты и способности которой являются основными движителями научно-технического и социально-экономического прогресса. Отсюда следует

актуализация проблемы мотивации труда, создания условий для развития личности работника, реализации его одаренности в процессе производства. В условиях же инверсии развития (когда не гражданское общество создает государственность, а государство способствует формированию и функционированию гражданского общества) развитая общественность предполагает определенный экономический уровень. Причем преодоление «внеморальной» модели деятельности, рост антропоцентристских тенденций многоуровнево обогащают творческий потенциал: человек умеет и знает больше, чем осознает.

Социальные отношения (в том числе, на производстве) все больше ориентируют на решение проблем на основании развития способностей и обработки информации. Производственные роли формируются в процессе труда, где присутствует широкий диапазон нерутинных задач и отсутствует постоянство процедур. Определяющее место в отношениях принадлежит ролевым сетям, которые велики и динамичны, а характер, длительность и место обнаружения ролей изменчивы и степень взаимодействия высока. Активизация политики привлечения работников к предпринимательству вписывается в общий контекст глубоких изменений в трудовых отношениях производственной демократии, которые эволюционируют от системы «отрицательного контроля» к положительному сотрудничеству, децентрализации договорно-коллективного регулирования, установлению прямых контактов между администрацией и работниками. И, несмотря на многолетнюю историю существования различных систем «участия», нынешнее их поколение имеет набор ярких особенностей. Да и вводят их, в отличие от прошлого, не столько по требованию рабочих, сколько по инициативе предпринимателей, которые отвергли некоторые мотивы «гуманизации труда» и обеспечили производственным системам управления более прагматичный характер. В этом проявилось кардинальное изменение в теории и методах Human Resources Management: от стратегии покорения и контроля организация труда движется к стратегии «вовлечения» и партнерства.

Итак, при формировании общества знаний в глобальном масштабе состояние человеческого фактора является краеугольным камнем как для общественной жизни, так и, в частности, для ее экономической составляющей. Поэтому решение противоречий, возникающих при наложении тенденций современности и постсовременности, во многом зависит от возможности, состояния и характера социального и индивидуального творчества в формах отчуждения.

Постсовременные подходы к социальному управлению вообще не перечеркивают, а актуализируют потенциал модерна по развитию и активизации человеческого фактора. Но, вместе с этим, они открывают и новые возможности, связанные с более активным использованием традиций и обычаев, коллективных отношений и взаимодействий, неформальных коммуникаций и социальных сетей, с синтезом элементов управляемости, самоуправляемости и неуправляемости.

При оптимизации схем корпоративного менеджмента при переходе к постсовременности целесообразно ориентироваться не на «чистый рынок» классического образца (который базируется на вестернизированных моделях свободы, равенства, индивидуализма, светского государства, частной собственности, гражданского общества и т.д.), а именно на пострыночное хозяйство, основанное и на внерыночных принципах, гибко отражающее особенности формирования экономики знаний.

Между тем, без объединения усилий всех секторов хозяйства (государственного, частного бизнеса, неприбыльных негосударственных организаций), и, прежде всего, формирование социально ответственного бизнеса – создать эффективный механизм внедрения в практику научных инноваций утопично. И опыт становления украинской государственности, и анализ внешних относительно нашей страны тенденций убеждают в необходимости приоритетного развития собственных производительных сил и создание системы эффективного управления. В том числе и в сфере труда при модернизации неклассического типа и изменении мирохозяйственных связей проявляется недостаточность старых подходов к их организации и регулирования, ощущается острая необходимость в создании принципиально новой управленческой парадигмы.

Дальнейшее развертывание этого направления предполагает как углубление компаративных исследований в сфере соотношения стратегии, тактики и оперативного искусства, так и их особенностей в различных сферах, прежде всего в социальном срезе информационной конкуренции.

ЛІТЕРАТУРА

1. Андрущенко В. П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть. Досвід соціально-філософського аналізу. – К. : АтлантОЕМСі, 2006. – 498 с.

2. *Бех В. П.* Генезис социального организму країни. – 2-е. вид., доп. – Запоріжжя : Просвіта, 2000. – 288 с.
3. *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. – Новосибирск : Наука, 1981. – 304 с.
4. *Лукьянчук Е. А.* Человеческий фактор – объект социальной политики. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 168 с.
5. *Шедяков В. Е.* Человеческий фактор социалистического производства: сущностные силы, формы развития, стимулирование. – Х., 1989. – 56 с. // Новая советская литература по общественным наукам. Экономика, 1990. – № 1.
6. Мельник Л. Е. Человеческий фактор социалистического производства (политико-экономический аспект) . – К. : Выща шк. Головное изд-во, 1988. – 187 с.
7. *Шедяков В. Є.* Стан людського капіталу та вирішення завдань розвитку країни // Політологічний вісник. – 36-к наук. праць: На замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. – Вип. 58. – С. 102-113.
8. *Логвиненко В. К.* Субъекты общественного производства (Вопр. методологии систем анализа) / В. К. Логвиненко, Л. Р. Лыско. – К. : Вища шк., 1980. – 157 с.
9. *Арефьева Г. С.* Социальная активность. – М. : Политиздат, 1974. – 230 с.
10. *Ануфриев Е. А.* Социальная роль и активность личности. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 157 с.
11. *Touraine A.* The post-industrial society: Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society. – N. Y. : Random House, 1971. – 244 p.
12. *Фромм Э.* Иметь или быть? – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.
13. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993. – 414 с.
14. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М. : Прогресс, 1990. – 272 с.
15. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М. : Республика, 1994. – 447 с.
16. *Кузьминов Я. И.* Отчуждение труда: история и современность / Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина, В. В. Радаев, Т. П. Субботина. – М. : Экономика, 1989. – 287 с.
17. *Нарский И. С.* Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса. – М. : Мысль, 1983. – 144 с.
18. *Шедяков В. Е.* Место трудовых отношений в воспроизводстве отчуждения как формы экономической социализации личности // Экономическая теория. – 2013. – № 2. – С. 46-56.
19. *Шедяков В. Е.* Человек в обществе отчужденного труда. – Х. : Мрія, 1991. – 157 с. – Рец.: Философская и социологическая мысль. – 1992. – № 4. – С.172-173; Акционерное дело. – 1992. – № 5-6. – С.151-159.

20. *Шедяков В. Е.* Человек и отчуждение труда в нашей стране. – Х., 1991. – 221 с.
21. *Шедяков В. Е.* Відчуження як форма соціалізації особистості // Сучасна українська політика. – 2012. – Спецвипуск: Інтеграційні процеси в сучасному світі: регіональні виміри. – С. 377–386.
22. *Шедяков В. Е.* Социальность и социализация: роль культуры трудовых отношений в материально-экономическом преуспейнии цивилизации // АНТРО. Анналы научной теории развития общества. – 2013. – № 1. – С. 79-103.
23. *Архиереев С. И.* Генетические основы и сущность отчуждения / С. И. Архиереев, В. Е. Шедяков. – Х., 1989. – 33 с. // Новая советская литература по общественным наукам. Философские науки. – 1989. – № 7.
24. *Ткаченко И. Е.* Отчуждение труда: история и современность / И. Е. Ткаченко, В. Е. Шедяков // Экономические науки. – 1991. – № 6. – С. 138-140.
25. *Шедяков В. Е.* Отчуждение и творческая деятельность // Культура. Деятельность. Человек: Тез. Всесоюз. научно-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 1990. – С. 96-98.
26. *Шедяков В. Е.* Отчужденный труд или свободное творчество? // Философия и современный социализм: Тез. Всесоюз. науч. конф. – Пермь, 1990. – С. 120-121.
27. *Erikson K.* On work and alienation // American Sociological Review. – 1986. – № 51. – P. 1-8.
28. *Шедяков В.* Навіщо нам враховувати світові тенденції до формування економіки знань [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/3224-navscho-nam-vrahovuvati-svtov-tendenciyi-do-formuvannya-ekonomki-znan.html>.
29. *Сафонова В. Є.* Знання як стратегічний ресурс «нової економіки»: еволюція поглядів // Економічна теорія. – 2012. – № 2. – С. 43-51.
30. *Бузгалин А. В.* Эксплуатация 21 века. От наемного рабочего и прибавочной стоимости к «креативному классу» и интеллектуальной ренте? / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Свободная мысль. – 2012. – № 7/8. – С. 125-140; № 9/10. – С. 139-158.
31. *Шедяков В. Є.* Трансформації інформаційного простору як чинник відчуження людини // Політологічний вісник. – 36-к наук. праць: На замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. – Вип. 52. – С. 350-361.
32. *Шедяков В. Є.* Постсучасні трансформації комплексу відносин відчуження // Мультиверсум. Філософський альманах. – 2012. – № 10 (118). – С. 3-13.
33. *Вазюлин В. А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 328 с.

34. *Зарубин А. Г.* Вопросы динамики социального развития (темпорализм истории и современность). – РнД: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – 174 с.
35. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 303 с.
36. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
37. *Шедяков В. Е.* Личность в системе отношений отчуждения и творчества // *Духовная культура и формирование личности: Тез. Регион. науч. конф.* – Краснодар, 1989. – С. 25-26.
38. *Шедяков В. Е.* Укрепление социальной справедливости и развитие творчества // *Научно-технический прогресс и научное творчество: Тез. Всесоюз. чтений памяти акад. Б. М. Кедрова.* – Ч. 2. – Свердловск, 1988. – С. 76–80.
39. *Шедяков В. Е.* Отчуждение и творческая деятельность // *Культура. Деятельность. Человек: Тез. Всесоюз. научно-практ. конф.* – Усть-Каменогорск, 1990. – С. 96–98.
40. *Шедяков В. Е.* Творческая активность – всеобщая форма развертывания сущностных сил человека // *Архиереев С.И., Шедяков В. Е.* Разрешение экономических противоречий обобществления как движущая сила развития творческой активности. – X., 1989. – Р. II. – С. 102-186. – Деп. в ИНИОН АН СССР 14.12.89, № 40463 // *Новая советская литература по общественным наукам. Экономика, 1990.* – № 6.
41. *Шедяков В. Е.* Фетиши экономического сознания и превращенные формы политического творчества // *Человек и политика: Тез. Междунар. научно-практ. конф.* – Харьков, 1993. – С. 86-87.
42. *Шедяков В. Е.* Человек отчужденного труда в системе модернизации деятельности // *Вестн. Харьк. ун-та.* – 1993. – № 378. – С. 73-82.
43. *Шедяков В. Е.* Творчество как фактор единства человека и природы // *Человек. Природа. Современность: Тез. Всесоюз. науч. конф.* – Курск, 1991. – С. 106-108.
44. *Наумов С.* Российский исторический тип управления – Запад или Восток? / *С. Наумов, Н. Слонов* // *Власть.* – 2004. – № 12. – С. 29-32.
45. *Шедяков В.* Ефективні технології соціального проектування: динаміка змін // *Віче.* – № 6 (315). – С. 26-28.
46. *Ахизер А. С.* Россия: Критика исторического опыта. – М.: Изд-во ФО СССР, 1991. – Т. 1. – 318 с.; Т. 2. – 377 с.
47. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. – Донецк: Донбасс, 1999. – 123 с.
48. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

49. Хайдеггер М. Идентичность и дифференция. – М. : Логос, 1997. – 64 с.
50. Шедяков В. Е. Социология трансформирующегося общества // Бизнес Информ. – 1996. – № 1. – С. 4–9; № 2. – С. 4–9.
51. Шедяков В. Е. Постсовременная трансформация Украины: проблемы социального управления // Бизнес Информ. – 1996. – № 13. – С. 7–15.
52. Черных Е. А. Типологии корпоративных культур [Електр. ресурс] // Режим доступа: <http://corpculyure.ru>.
53. Шейн Е. Т. Организационная культура и лидерство. – СПб. : Питер, 2001. – 336 с.
54. Лич В. М. Місце людського капіталу у здійсненні стратегії ефективного розвитку та забезпеченні конкурентоспроможності національної економіки / В. М. Лич, В. Є. Шедяков // Людський капітал України: стан, проблеми, перспективи відтворення: у 2 ч. – К. : КНУБА, 2009. – Ч. II. – 236 с.
55. Бондар І. К. Новий формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава / І. К. Бондар, М. В. Чечетов, І. О. Жадан, С. В. Дідур та ін. – К. : Корпорація, 2005. – 383 с.

Шедяков В. Є. Человеческий фактор: раскрытие и развитие творческой активности в формах отчуждения.

Проанализированы тенденции дальнейшего совершенствования отчужденных форм раскрытия творческой природы человека. Охарактеризованная роль трансформации черт и значения человеческого фактора в процессах социогенеза. Рассмотрены актуальные вопросы организации и стимулирования желаемых изменений в условиях нынешней Украины.

Ключевые слова: творческая активность, отчуждения, человеческий фактор.

Shedyakov V. E. The human factor: realizing and development of creative activity in the forms of alienation.

Tendencies to further improve of the creative nature of man by the alienated forms are analyzed. A role of transformation of characteristics and importance of a human factor in the sociogenesis is described. Actual questions of organizing and stimulating of desirable changes in today's Ukraine are learned.

Keywords: creative activity, alienation, human factor.